

10 кругозор 72





И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ...

«Москва, Ленину. Хвалынский волостной съезд крестьян Спасского уезда Приморской губернии приветствует Вас, Ильич, и поздравляет с Советским Дальним Востоком. Клянемся умереть или победить под красным октябрьским знаменем, подвигам вашей рукой. Председатель съезда Ньнь».

Эта телеграмма была отправлена 5 ноября 1922 года, за десять дней до окончательного установления Советской власти на Дальнем Востоке.

Говорят, время быстротечно, неотвратимо, безвозвратно... Чего только не говорят о времени! Но вот от Владивостока, через Уссурийск, мимо Мавзовки и Спасска, я еду в Хвалынку — село, лежащее в трех километрах от трассы. Всего три, а вот они-то как раз и уведут от Хвалынки: все больше влекут города и поселки с крупными заводами, рудниками, причалами...

А в Хвалынке нет заводов. 378 дворов, в среднем по четыре человека в каждом, сельсовет, правление колхоза, школа и клуб. И широкие грунтовые улицы, усыпанные, как снегом, бетонными гусеницами. И вот почти через полвека я еду в Хвалынку, откуда была послана Ильичу та телеграмма.

Вновь и вновь слышавшая в слова приветствия и не могу не удивиться многообразному смыслу, заключенному в них. Они отражают не только свершившегося — революции; не только истории — исконной сплитности всех российских земель; в них даже больше будущего, чем настоящего и минувшего.

простое рыбацкое дело



«Если умеешь хорошо работать, тебя всегда найдет рыбацкая удача...»

На второй звуковой странице размышления Августа Розефельда, потомственного латышского рыбака.

Вечер незаметно навалился на маленький рыбацкий поселок, повесил над темными верхушками сосен луну, укрыл туманом еще не остывшие после знойного дня луга. Вместе с Гунаром Озоляншем, заместителем председателя рыболовецкого колхоза «Банга», мы засиделись в доме Августа Розефелда до полуночи. Разговор, как водится в таких случаях, шел о жите-бытье. Хозяин не очень охотно рассказывал о себе. Больше о море, о своей бригаде, о колхозе...

Автобиография Августа Розефелда, которую я прочел затем в колхозном правлении, умещалась на одной страничке и не содержала, казалось бы, ничего особенного. Здесь, на берегу Рижского залива, жила его прадеды, рыбачили деды, потом родители. Здесь же, на виду местных рыбаков, — почти вся жизнь Августа. На пять лет из сорока шести уходил он из дому. Да и то недалеко. Вдоль и поперек исходил родные леса старший сержант Советской Армии Август Розефелд с миноискателем.

— Мины еще долго преследовали меня и в море, — улыбнулся Август Петрович, — частенько в трал попадались...

Служба подошла к концу, и Розефелду предложили место инструктора в Вентпилском военкомате. Но пришла отцовская телеграмма: «Чайки не садятся на деревья». Август вернулся домой, вступил в рыболовецкую артель... Скупые биографические строчки. 1960 год — шкипер, 1966 год — бригадир второй бригады.

— Шкипером ставят самого умелого, самого уважаемого человека, — говорит Гунар Озолянш. — Вторая бригада была тогда отстающей в колхозе...

Как только я ступил на палубу траулера МСТБ-309, рыбаки искренне посочувствовали мне:

— Вашему брату с Розефелдом трудно — не любит о себе рассказывать... Но ведь лучше всего раскрывается человек в работе.

«Рыбацкое наше дело — простое», — вспомнились мне слова Августа Розефелда, пока траулер готовился к близнецовому лову. Старые рыбаки прогуливались по пирсу, негромко давали советы, покуривали. На обветренных лицах капитанов светились улыбки. В сотый раз была проверена оснастка, все, как положено, принятовлено.

И наконец, суденышко отвалило от пирса и вышло в море. Уходит к горизонту золотистое песчаное побережье, где родился, вырос и живет Август. Вспоминаю, как я ходил по поселку. Все в нем построено колхозом. На месте жалких домишек (их фотографии есть в рыбацком музее) красавцы дома. В таких случаях



обычно пишут: как город. Но Роя лучше. Вокруг благоустроенных домов, клуба, кафе, спортивного зала, школы очень много цветов, всюду сосны. Согласитесь, не в каждом городе встретишь такое. И во всем этом мне виделся труд Августа Розефелда и его товарищей — рыбаков «Банги», одного из лучших колхозов Советской Латвии.

Три сына у Розефелда. Все три не мыслят свою жизнь без моря. Старший, Эрик, окончил Лиепайское мореходное училище. Он штурман на одном из колхозных траулеров. Средний, Ивар, собирается пойти по стопам брата. И самый младший, одиннадцатилетний Андрей, тоже подумывает о штурвале. Да и какой ройский мальчишка не мечтает об этом! Не-

даром у местной школы, словно символ их мечтаний, лежит омытый морскими волнами якорь...

Наш МСТБ-309 работал в паре с Иваром. Его посудина поменьше — деревянный МБ-46. Что же такое близнецовый лов? Не выпуская из вида друг друга, два судна идут заливом. Включаем эхолот, всматриваемся в лиловую бумажную ленту. Вот эта черточка — нулевая отметка. Эта — дно. А здесь, где потемнее, должна быть рыба.

Час, другой, третий ведем поиск. Наконец «видим» рыбу. Короткий диалог по радио с нашим «близнецом» Иваром. За корму летит кухтыль — резиновый буй. За ним скользит трал. Он как гигантская авоська. Подоспело суденышко Ивара. Его команда выбирает другую «ручку» этой авоськи. А чтобы суда не разошлись, не порвали трал, их носовые части соединяют капроновым канатом. И пошли. Час, два, три...

Капитан стоит у штурвала и покрасневшими глазами всматривается в горизонт. Затем поднимаем трал. Ивар снова подходит к нам, теперь уже отдает «ручку» авоськи. И пошла работа — высший класс! Все по местам: кто за ледку, кто на ют... Из-за кормы показывается куток — гигантская груша с рыбой. Она носится над палубой, поливая балтийской водой спины рыбаков. Один из них, изловившись, дергает куток за шворку, и на палубу, брызгая серебряной чешуей, летится салака. Тут ее в ящики, перекладывают льдом. И в трюм.

Вот так три-четыре раза летит кухтыль за корму. И все повторяется сначала. И когда судно оседет под тяжестью рыбы, мягче заскользит по волнам, можно идти к плавбазе или взять курс на Рою. Рыбацкие будни, рабочая проза, а все остальное — море, волны, штормы — романтика.

«Рыбацкое наше дело — простое», — снова вспомнились мне слова Августа Петровича Розефелда, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»
Поселок Роя, Латвийская ССР
Фото автора

И в послевоенные годы восстановления народного хозяйства, и в последующий период коммунистического созидания усиливаются замечательные черты ленинской дружбы народов СССР — верность социалистической Родине, самоотверженность, трудолюбие, взаимная помощь.

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

От той первой поездки остался у меня любительский снимок: узкая полоска неба, под ней белый слой днепровского песка, еще ниже мергеловые глины, не-

ко неожиданная фамилия, которой он немного смущался, — Война. Недавно я узнал: получил Станислав Война диплом юриста, работает в селе неподалеку.

Пошел дождь, загнал нас в кабину, гулку от висевшего над карьером безмол-

КОМСОМОЛЬСК, БРАТ КОМСОМОЛЬСКА



сущие на себе печать доисторичности, а под всем этим как итог и суть — черный излом железных руд, богатейшее месторождение, открытие которого привело к появлению в девятой пятилетке нового города — Комсомольска-на-Днепре. Города на старой фотографии не видно (да его еще и не было), только вертикальный разрез карьера, и на самом дне в грунтовой луже крохотный — оттого что глядишь сверху — экскаватор.

Стоит, подломив стрелу, ковш на рудной щебенке — ремонтируют экскаватор. Спустился я тогда, целясь за угловатые выступы, по откосу, подошел к экскаватору, познакомился с машинистом. Звали его Станиславом, и была у него несколько-

вия. В Комсомольск возвращались под настоящим ливнем. Надвинулся сквозь струйки на стекле кирпичный куб комсомольского штаба, щит с надписью: «Здесь будет город Комсомольск-на-Днепре».

— Приехали!

Рабочий Иван Бурдым, член штаба, заметил, что я смотрю на щит, покачал головой. То были, может, самые трудные в биографии Комсомольска дни. Сократились капиталовложения, работы в карьере почти замерли.

— Вон какие у государства заботы. — Иван сжимал кулак, оттопыривал большой палец и привычно, не глядя, тыкал им за спину, где висела на стене карта страны, на месте больших строек были на-

рисованы от руки флажки. — Мы понимаем: наш черед придет завтра...

Прошли годы. И снова идем мы с Иваном Бурдымом (он успел окончить факультет журналистики, налаживает местное радиовещание), идем по улицам Комсомольска-на-Днепре и вспоминаем старую тетрадку Ивана, где он дотошно фиксировал мгновения жизни будущего города. Вот строки из нее:

«...Получается, первые колышки мы забili, когда тому Комсомольску, на Амуре, тридцатый год идет. Комсомольскую конференцию проведем в Редутах. Можно бы и в палатке — романтично. Но тесно, уж лучше в сельском клубе...»

Пианист касается клавиш, и пальцы как

бы сами извлекают из инструмента знакомую ему с детства мелодию. Это называют памятью рук. А есть еще память сердца. Дымилась от малого ветра кучугуры — песчаные барханы на площадке, по суе вязали в песке грузовики, но в людях жило уже ощущение солнечных кварталов и акаций на перекрестке. Жило ощущение того, первого Комсомольска, города на Амуре, который они видели в кино, книжка о котором называлась коротким, твердым словом — «Мужество». Сейчас бывает: прибыл новосел, огляделся, то не так, это не по нему, за чемоданчик — и был таков. А приехавшие первыми почти все остались. Почему? Да потому, что они вместе пережили труд-

ные дни, когда застыла стройка и надо было любой ценой сохранить успевший сложиться коллектив. В трудные для стройки дни они находили бригадам объекты в Кременчуге, в селах, славали с оценкой «отлично» — и возвращались. Ни на минуту не забывали, что они строители Комсомольска. Еще запись Ивана Бурдыма:

«...Думал ли Гена Иваненко о подвиге? Какое там! Подул ветер, сорвало с прикола башенный кран. ползет по рельсам эта махина неотвратно, сейчас рухнет. Просто Гена раньше всех догадался нырнуть под кран, поставил колодки, остановил. А на Днепре у нас островок, там обелиск стоит: в войну переправа была,



«Что такое Комсомольск? Это число рождений, превышающее число дней в году; это богатейшая руда; это железорудный комбинат и жилые кварталы, по-

ставленные на песке, поставленные основательно, на века...» На третьей звуковой странице вы услышите рассказ о строителе в. Яценюка, чья ограда руководителем молодого завода (вверх), и его товарищей.

Фот. Л. Г. Г.

много наших погибло. Разве они думали о подвиге? Просто дрались за Днепр... Утвердили проект музыкальной школы; через несколько лет будут к нам приезжать послушать орган. А что? Нам здесь жить и жить, и до Баха дойдет очередь, так почему бы не поторопиться?..» Сам заметное в Комсомольске — дети (первое на Полтавщине место по рождаемости) и зелень. Семь лет назад меня поразили котлованы для посадок, похожие на снарядные воронки. А сегодня за деревьями домов не видно. И берегут горожане зелень так же трогательно, как детей. Сломал дерево — весной посадишь три на его месте. Рассказывают: один приезжий увидел клумбы на каждом

шагу и нарвал себе на прощание букет. Мораль ему читать не стали. А вслед написали письмо. Не злое: дескать, красоту лучше привозить с собой, чем отнимать ее у других...

И снова я попал в дождь. На этот раз гроза быстро прокатилась над Днепром. Песок голодно вобрал воду, лишь на асфальте дрожали в лужах перевернутые облака. И вот уже ползет по улице поливочная машина. Сначала это кажется странным, потом понимаешь: растущему на песке нужно много воды. Понимаешь: города, в которых мы живем, должны быть и долговечны и красивы.

Борис ВАХНЮК

г. Комсомольск-на-Днепре



Я стою возле бетонного обелиска. На одной из четырех граней выбиты слова: «Павшим за власть Советов. 1918 — 1922 год». Остальные три «отданы» войне: «Вечная слава воинам-односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. 1941 — 1945». Обелиск и 79 фамилий на нем появились заботами отряда красных следопытов местной школы.

Наверное, так будет всегда: ты остаешься и читаешь. И невольно хочешь проникнуть за холодный камень, за строгий чекан букв, сквозь время: а какими же они были при жизни? Каким был ты, Иван Дербенев, первый комсорг Спасска, чье имя я тоже увидел здесь, в Хвалынке, среди семидесяти девяти? Или ты, Илья Афанасьевич, что так и не дожид до того хвалынского съезда? Или трое из твоей родни, что так и не вернулись с Отечественной? Три брата Кулибаба, четверо Коротичей, Каширины, Гончары... Они передавали друг другу не только жизнь — смерть свою, и это соединило их больше, чем семейное родство, потому что жизнь у них была все-таки разная, а смерть — одна. За власть Советов. И на всех памятниках, известных и неизвестных, над всеми пятиконечными звездами, что венчают могилы военных дорог, на каждой похоронной во все времена писать бы эти бессмертные слова: погиб за власть Советов...

То, что было главным в те годы, осталось и сейчас главным — вера в конечную цель, вера в правоту, вера в победу.

В Хвалынке я познакомился с Андреем Степановичем Чуйко.

— Аккурат в том месте, где теперь Белюсов живет, сбор был. — Андрей Степанович подводит меня к окошку. — Прямо на улице. А президиум на крыльце его дома стоял...

Когда началась Отечественная война, Анна Федоровна и Андрей Степанович Чуйко продали все свое добро и вырванные деньги — 101 тысячу рублей — внесли на постройку самолета.

— Хорошо, хоть было что продавать, — улыбается Андрей Степанович. — В прежние времена на берданку не собрали.

«Прежние времена» — это первая коммуна Хвалынки, наивная и трогательная своей чистотой пора, когда казалось: стоит



захотеть, и коммунизм — вот он, пожалуйста. Это пора, когда за месяц всем миром выстроили дом для тринадцати семей, с общей кухней, общей столовой и общей комнатой отдыха. Это пора, когда в борозду выходял мужик с топором и говорил: «Не трожь мою землю», — а первый тракторист Саша Носко не знал, допашет ли он до конца, не прибуль ли. Это пора, когда Матвеем Сидоренко артель «Победа», принимая в колхоз, выдавала справку: «Сдана лошадь одна, масти

красно-лысой, цена... курей двадцать пять по цене... собака трех месяцев, одна штука, без цены». Вот какая была это пора.

Родина, народ — над этим время не алчно. Потому бессмертны и дела для блага Родины и народа. И потому мы легко находим связь в поколениях и делах, называя эту связь традицией. Андрей Чуйко построил на свои деньги самолет, а его старшая дочь во время войны зенитчицей боролась за власть Советов. В школьном музее Хвалынки хранят «выходную рубашку Григория Федоровича Ворущило» (так ребята и написали на листке ватмана), много раз стиранныю холщовую косоворотку. Рубашку первого комсомольца и одного из первых ударников пятилетки.

А сын его — Анатолий Григорьевич — стал председателем сельсовета, и как можно было ему плохо председателем ступить, когда отец клался умереть или победить под красным октябрьским знаменем!

Когда день склонился к закату, я пришел к дому Андрея Потаповича, последнего из рода Ныней, что остались еще в селе. Высокий, с крупно вылепленным лицом, седеющий, Андрей Нынь вышел на крыльцо. Не так ли и в двадцать второй стоял в президиуме сельского съезда его дядька Федор Евдокимович?

И поведал мне Андрей Нынь удивительную историю, о которой можно писать отдельно. Как партизанили на Хвалынке братья Ныни. Как прошел Федор Евдокимович и всю Отечественную, а вместе с ним и сыновья его, Володя и Саша. Как встретились на фронте Володя и Василий Нынь, родной брат Андрея...

Когда русские хозяйки пекут хлеб, с вечера они ставят опару. Забродит опара от тепла, а утром уже тесно в просторной квашне огромной массы теста, и всем, всем теперь хватит мяхучего и пышного, жаркого и сытного, ни с чем не сравнимого русского хлеба. Вот такими опарами мне кажутся Хвалынки, сотни и тысячи не приметных сел, от которых нас передок уводит в сторону асфальтовых дорог, но без которых не было бы тех асфальтовых дорог. Хвалынки, где стоят бетонные или каменные обелиски, увенчанные пятиконечными звездами; Хвалынки, где рождается и никогда не умирает народная закваска; Хвалынки, над которыми не властно время.

Павел ДЕМИДОВ
Принорский край

«Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни...» На фото — штаб В. К. Блюхера; дальневосточные партизаны. 1921-1922 гг.





Кнут СКУИНИЕК

ДЛЯ ПЕНИЯ ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Мне хорошо, и я не жду находок,
лес в инее и занят сам собой,
дома стоят в снегу по подбородок,
и вечер, словно сказка, голубой.

Мой путь не близок, но конца не надо,
и грудь все глубже и яснее взгляд,
когда сквозь лед и ветер, как награда,
живые очи деревень горят.

Я не спешу под простодушным кровом
переждать случайную пургу.
Мой путь не станет более суровым,
и я всю землю обойти смогу.

В моем пути иной не будет пяди,
он так же легок и все так же крут,
когда сквозь дымку с золотом
во взгляде
огни мне проповедают приют.



Да разве может дерево сказать,
как любит землю,
какою плотской силою, как свято,

как для нее цветет, как возвышает
землю,
как бремент ее в часы осеннего
заката?
И как, отдав себя, оно молчит устало,
храня заботу на челе в любом ознобе?
Да разве может дерево сказать,
как любит землю,
когда деревья новые почувствует
в утробе?
Да разве может дерево сказать,
как любит землю,
которая его кормила и качала?
Да разве может дерево?
Не может,
и не надо.

Оно молчит устало.



Ария ЭЛКСНЕ

ДО ТЕХ ПОР, ПОКА РАСЦВЕТАЮТ ПОДСОЛНУХИ

Мне на эти деньги можно прожить целый
месяц,
Тридцать дней ничего не делать, читать
и думать,
Тридцать дней смотреть, как рожь
колосится, цветет иван-да-марья,
Как в садах созревают вишни,
на лугах щиплют траву коровы...
Мне на эти деньги можно купить билет
и умчаться
На три часа к тебе, чтоб вернуться
к себе на закате;
Видеть тебя три часа, говорить с тобою,
смеяться,
Три часа верить, что мир от земли
до звезд переполнен счастьем...
Если мне попросить совет у матери,
она скажет:
«Лишь сумасшедшие не берегут деньги,
И себя надо беречь, спать,
хорошо питаться.

А деньги — они на черный день
пригодятся).
Но если мне обратиться к тебе,
Ван Гог, поэт желтого света,
Ты обмахнешь кисть в солнце,
рисуя подсолнух, и скажешь:
«Лети,
Лишь тот счастлив, кто все отдает
за счастье;
До тех пор, пока подсолнухи расцветают,
Другого счастья не было и не будет».



Ояр ВАЦИЕТИС

ЯНТАРЬ

Муха в плену янтарном,
чванливая муха:
она, мол, сидит в янтаре,
она, мол, сидела
на челе динозавра.
Мало ли кто
где сидел и сидит?
Я младше оледенения,
но ползли ледниками
через мое детство
бронтозавры
с крестами на черных боках.
И сидел я в погребке, муха,
надо мной ползли бронтозавры,
стреляя в смолистые сосны.
И сегодня в сгустках смолы
сидят осколки и пули.
Но я не хочу, чтоб потомки,
на свет поднимая прозрачный янтарь,
пытали: что сидит там внутри?
Как им втолковать,
что осколками, пулями
выясняли, как надо жить?!
Так пусть вновь не возникает янтарь.
Пусть останется только этот:
с безобидной чванливой мухой,
осколок медового дня.

Переводы с латышского В. Куприянова

В. ОДОЕВСКИЙ

...Бах знал только одно в этом мире — свое искусство; все в природе и жизни — радость, горе — было понятно ему тогда только, когда проходило сквозь музыкальные звуки; ими он мыслил, ими чувствовал, ими дышал Себастьян; все остальное было для него ненужно и мертво. Я верю тому, что Тальма в минуту сильнейшей скорби невольно подходил к зеркалу, чтоб посмотреть, какие морщины она произвела на лице его. Таков должен быть художник — таков был Бах; подписывая денежную сделку, он заметил, что буквы его имени составляют оригинальную, богатую мелодию, и написал на нее фугу*; услышав первый крик своего младенца, он обрадовался, но не мог не исследовать, к какого рода гамме принадлежали звуки, им слышанные; узнав о смерти своего истинного друга, он закрыл лицо рукою — и через минуту начал писать погребальный Motetto. — Не обвиняйте Баха в нечувствительности: он чувствовал, может быть, глубже других, но чувствовал по-своему; это были человеческие чувства, но в мире искусства. Столь же мало он ценил и собственную свою славу: в Гамбурге рассказывали, как столетний органист Рейнкен, услышав Баха, прослезился и сказал с простосердечием: «Я думал, что мое искусство умрет вместе со мною, но ты его воскрешаешь».

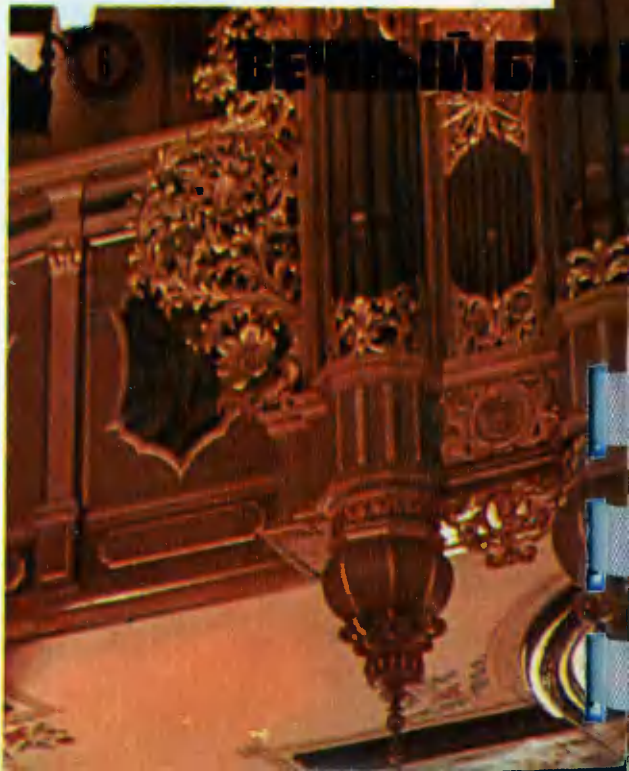
В Дрездене толковали, как Маршанд, знаменитый органист того времени, вызванный на соперничество с Бахом, испугался и уехал из Дрездена в самый день концерта; в Берлине удивлялись, что Фридрих Великий, прочитывая перед началом своего домашнего концерта список приезжающих в Потсдам, сказал окружающим с видимым беспокойством: «Господа! Старший Бах приехал», — со смирением отложил свою флейту, послал тотчас за Бахом, заставил его в дорожном платье переходить от фортепиан к фортепианам, которые стояли во всех комнатах Потсдамского дворца, дал Себастьяну тему для фуги и с благоговением слушал его.

А Себастьян, возвращаясь к своей Магдалине, рассказывал ей лишь, какая счастливая мелодия ему попала в во время импровизации перед Рейнкеном, как сделан соборный орган в Дрездене и как он у короля Фридриха воспользовался расстроенною нотой фортепиана для энгармонического перехода — и только! Магдалина не спрашивала больше, а Себастьян тотчас садился за клавикорд и играл или пел с нею свои новые сочинения: это был обыкновенный способ разговора между супругами; иначе они не говорили между собою.

В начале XVIII века молодой немецкий органист Иоганн-Себастьян Бах отправился пешком из Ариштадта в Любек, чтобы услышать игру знаменитого мастера Букстехуде.

В середине XX столетия ученица Свердловского музыкального училища Евгения Лисицина, услышав в записи орган Домского собора, проехала более двух тысяч километров, чтобы увидеть этот чудо-инструмент...

В 1966 году, будучи еще студенткой Рижской консерватории, Евгения Лисицина дала первый сольный концерт в Домском соборе. Ассистировал молодой органистке ее профессор Николай Карлович Ванадзин, тот самый человек, энергия которого помогла восстановить молчавший долгие годы орган Домского собора.





Таковы были и все дни его жизни. Утром он писал, потом объяснял своим сыновьям и другим ученикам таинства гармонии или исполнял в церкви должность органиста, ввечеру садился за клавикорд, пел и играл с своей Магдалиной, засыпал спокойно, и во сне ему слышались одни звуки, представлялись одни движения мелодий. В минуты рассеянности он веселил себя, разбирая новую музыку *ad arpeggiatum libri* (с листа. — *Ред.*), или импровизируя фантазии по цифрованному басу, или, слушая трио, садился за клавикорд, прибавлял новый голос и таким образом превращал трио в настоящий квартет. Частая игра на органе, беспрестанное размышление о сем инструменте еще более развили ровный, спокойный, величественный характер Баха. Этот характер отражался во всей его жизни, или, лучше сказать, во всей его музыке. В ранних его сочинениях видны еще некоторые жертвы господствовавшему в его время вкусу; но впоследствии Бах отряс и этот прах, привязывавший его к ежедневной жизни, и спокойная душа его вполне напечатлелась в его величественных мелодиях, в его ровном, бесстрастном выражении. Словом, он сделался церковным органом, возведенным на степень человека.

...На него вдохновение не находило порывами; тихим огнем оно горело в душе его: за клавикордом дома, в хоре своих учеников, в приятельской беседе, за органом в храме — он везде был верен святыне искусства... вся его душа переселялась в пальцы...

...Счастливицы, внимавшие органу, звучавшему под пальцами Баха: не рассеивалось их благоговение игривыми блесками: его

сначала выражала мелодия простая, как просто первое чувство младенствующего сердца, — потом, мало-помалу, мелодия разливалась, мужала, порождала другую, ей созвучную, потом третью; все они то сливались между собою в братском лобзании, то рассыпались в разнообразных аккордах; но первое благоговейное чувство не терялось ни на минуту: оно лишь касалось всех движений, всех изгибов сердца, чтоб благодатною росой оживить все силы душевные; когда же были исчерпаны все их многообразные образы, оно снова являлось в простых, но огромных, полных созвучиях, и слушатели выходили из храма с освеженною, с вызванною к жизни любви душою.



Рижанка Илзе Граубинь — музыкант потомственный. Дед ее в прошлом веке выступал в популярном народном ансамбле. Отец, Екаб Граубинь, — композитор, ученый-фольклорист, музыкальный критик. Семилетней Илзе он подарил «Маленькие прелюдии и фуги» Баха с надписью: «Желаю тебе играть маленькие фуги Большого Баха и чувствовать себя уверенно...» В 1964 году пианистка Илзе Граубинь, тогда воспитанница Московской консерватории, получила первую премию на Международном конкурсе имени Баха в Лейпциге.

На звуковой странице вы услышите произведения И.-С. Баха: «Largo» из Концерта для фортепиано с оркестром фа-минор (солистка — И. Граубинь) и хорал из Кантаты № 147 (исполняет Е. Лисицина).

* Известна Бахова fuga на следующий мотив:



Фото В. Василевскиса.
Ю. Пойта



КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

В какой-то момент ему показалось, что он слышит поступь колонны — далекую и притушенную напряжением опасности. Он даже мысленно определил направление — со стороны сада у военного клуба. Еще плотнее (если это было возможно!) прижав тело к подоконнику, он вслушался в плотный мрак, приникший с другой стороны к этому коридорному окну военного министерства. И тогда понял: это не шаги, это грохотом строевого шага кровь ломится в виски.

Илиев вновь посмотрел на часы. Два часа пять минут. Нет, шесть. Операция была назначена ровно на два. Все оповещены, часы сверены. Значит, все рухнуло...

Историческая справка

26 августа 1944 года Центральный Комитет партии болгарских коммунистов, руководивший всей вооруженной борьбой народа против гитлеровцев и монархо-фашистской диктатуры, принял историческое постановление № 4 о проведении всенародного восстания. Военное руководство восстанием возлагалось на Главный штаб народно-освободительной повстанческой армии.

Решающей гарантией победы было наступление Советской Армии. 5 сентября разработан окончательный план действий в Софии и по всей стране. Главный удар предполагалось нанести в два часа ночи 9 сентября.

Илиев покосился на капитана Томова, тот стоял у соседнего окна. Видимо, и он испытывал сейчас ту же незручую жажду нащупать в темноте, забывшей ближние и дальние улицы, колеблющийся силуэт колонны.

Ожидания не выдержали оба. Не сговариваясь, они спустились вниз и почти сразу увидели, что со стороны бульвара движется штурмовая саперная дружина, которую ведет капитан Матеев.

Но они ждали другую часть. Прожекторную группу капитана Попова. А она не появлялась.

Илиев и Томов вышли на улицу Аксакова, к саду у военного клуба. Было два часа тринадцать минут...



Партизанский отряд Д. Джурова в Софии, 1944 г. Генерал-лейтенант П. Илиев, 1972 г. Фото А. Григорьева и А. Лидева.

штаб В штабе

Галина ШЕРГОВА



Биографическая справка

Петр Илиев — ныне генерал-лейтенант Болгарской народной армии. Сын марксиста, член Рабочего молодежного союза, Илиев по заданию партии в 30-е годы поступил в привилегированное военное училище. С отличием окончив его, Илиев остался кадровым военным и совместно с другими офицерами-коммунистами проводил пропагандистскую работу среди солдат. Армия, главный оплот монархо-фашистской диктатуры, оказалась пронизанной сетью революционных организаций. К моменту описываемых событий Илиев был штабным армейским офицером. В это же время он состоял членом и другого штаба — Главного штаба народно-освободительной повстанческой армии.

Да, было два часа тринадцать минут. Стояла тишина, какая бывает только после отшумевшего праздника или в предчувствии значительных событий. Но запахи, стойкие запахи сентябрьской софийской ночи, охватывали привычной неизменно

стью — легкий дух остывающих мостовых и искусный аромат, которым тянуло через заборы из домашних виноградных давилен. И это соединенное ощущение исключительного и будничного было особенно будоражащим.

И тут снова он услышал звук шагов. Боясь повторной ошибки, столь заманчивой и желанной, Илев сделал несколько шагов по направлению к клубу и увидел: со стороны Слатинского редута подходила прожекторная группа. Он даже узнал идущих впереди — Тодор Тошев, Петр Вранчев, Стоян Трендафилов, Никола Рангелов. Это уже не было галлюцинацией, он видел лица, выражения лиц...

Тактическая справка

В ЦК партии и в Главном штабе повстанческой армии было решено изолировать Софию от остальной территории страны, выставить на магистралях сильные заслоны партизан, окружить правительственный центр и захватить его, сосредоточив главные силы на овладении военным министерством.

Военное министерство имело отлаженную связь со всей страной. Здесь находился центр противовоздушной предупредительной службы. Оно располагало бомбоубежищем и сильной охраной.

В здании министерства жили и работали министр внутренних дел, министр сельского хозяйства, военный министр, директор полиции, генералы, заседал Совет. Группе офицеров-коммунистов было поручено впустить в министерство революционные части. Капитанам Илиеву и Томову предстояло провести через восточный вход прожекторную группу капитана Попова.

Восточный вход охранялся только подчаском. Парные часовые дежурили у запасного входа.

Когда прожектористы подошли к дверям, Илиев бросил караульному:

— Идет группа усиления охраны.

Подчасок вытянулся. Часть беспрепятственно вошла в здание. И тогда...

Об этих минутах рассказывает на четвертой звуковой странице генерал-лейтенант Петр Илиев.

Его спрашивали и не однажды: «А почему вы не пишете серьезную музыку?» Видимо, предполагалось, что подобный интерес будет лестным для композитора (значит, он обладает способностями истинного симфониста-мыслителя!) и закономерным (таков характер его дарования). Действительно, все, что наблюдал за Раймондом Паулсом еще в Рижской консерватории, могли с уверенностью сказать, что из-под его пера выйдут и симфонические и фортепьянные произведения. И если уж были какие-то сомнения по поводу будущего пути музыканта, то скорее они касались выбора между сочинительством и карьерой пианиста-исполнителя. Сложившимся пианистом он заявил себя уже в годы ученичества.

Однако все произошло иначе. Паулс стал писать песни. И тем не менее, отвечая на тот вопрос, он неизменно говорил: «А я и пишу серьезную музыку. Разве не серьезная задача: создать песню, в которой бы звучали истинно высокие чувства и мысли, чтобы мелодия была за-



ЗНАКОМСТВА

очень

разительной и волнующей?» И так, для Паулса создание песни — создание серьезной музыки.

Серьезность — качество, исповедуемое им на всех этапах рождения песни. Я убедилась в этом, присутствуя на записях песен Паулса в рижской студии «Мелодия». Только неподкупно серьезное отношение к музыке было способно породить такую творческую обстановку в студии. Она сказывалась и в каждом штрихе его собственного метода работы: оркестровка делается им самим и только им — все продумано до ноты, до акцента; он знает точно весь арсенал средств, которые он призовет, чтобы раскрыть все «планы» — дальние и ближние — звучания. Оттого задачи, которые ставит Паулс перед оркестром, конкретны и снайперски точны.

Впрочем, и пианистическое дарование Паулса не пропало втуне: все фортепьянные партии он играет сам.

Серьезность авторская — залог серьезности успеха. Песни его звучат всюду.

«Синий лен» известен и в Москве, и в Минске, и в Ужгороде, и в Польше. В ГДР популярна песня «Алло, Ростоку». В Италии Лючия Альтьери поет его «Маленькую комнату», написанную по фольклорным мотивам (певица записала с эфиром эту песню, поразившую ее своей мелодичностью, и прислала автору пластинку). Успех имеет и иное выражение: заслуженный артист республики Раймонд Паулс — четырехкратный обладатель приза за лучшую песню, лауреат премии

серьезная



музыка

Ленинского комсомола республики, десять лет был художественным руководителем и директором эстрадного оркестра. И все это — знаки серьезного признания.

Гуна ГОЛУБ

г. Рига

Фото Б. Вдовенко

Две мелодии Р. Паулса на девятой звуковой странице: «Синюю песню» (стихи Я. Петерса) поет В. Лапченко; «Маленькую комнату» (слова народные) исполняет Л. Альтьери.

Народный артист СССР Б. А. ПОКРОВСКИЙ: Нас объединяет мечта возродить искусство камерной оперы не только для знакомства советских людей со многими произведениями прошлого, написанными в этом жанре, но в первую очередь для решения современных задач советского театра. Как рядом с симфонией большие художественные задачи может решать инструментальный квартет или трио, так камерная опера способна своими творческими средствами создавать значительные образы действительности.

Камерная опера — близкий, душевный разговор актеров с залом, когда зритель не только слышит певца, но и видит малейшее движение его лица, выражение глаз. Для нее чрезвычайно важно соотношение звучащего с внутренней жизнью пер-



Театр начинается с вешалки. Все верно. Но стабильной «вешалки» в этом театре пока нет: он гастрольный. Однако, лишь недавно появившись на свет, он уже выпустил две премьеры — оперы «Не только любовь» Родиона Щедрина и «Много шума из-за... сердец» Тихона Хренникова. На очереди третья постановка — «Нос» Шостаковича. Поэтому мне хотелось бы сказать: настоящий театр начинается с энтузиазма, с увлеченности.

А это всегда заразительно. И не случайно, наверное, в новой, камерной редакции оперы Щедрина поет солистка Большого театра Тамара Синявская, а второй премьерой стало написанное специально для театра сочинение Хренникова.

— Если б не молодой наш Московский камерный театр, — сказал Т. Н. Хренников, — если б не захватывающая увлеченность коллектива во главе с режиссером Борисом Александровичем Покровским, я вряд ли написал бы новую коническую оперу «Много шума из-за... сердец». Так что опера рождена театром, хотя мысль о ней Покровский подал мне еще девять лет назад.

Знакомые по вахтанговскому спектаклю «Много шума из ничего» обаятельные мелодии в опере Хренникова переплелись с множеством новых. Яркие костюмы, красочные декорации. Но главное — счастливые, очень молодые, красивые лица. Потому что камерный театр — театр молодежный, театр дебютов. Коллектив его невелик: 27 артистов, 18 оркестрантов. Фактически это ансамбль солистов, где по доброй традиции Музыкальной студии Станиславского сегодня у артиста главная роль,

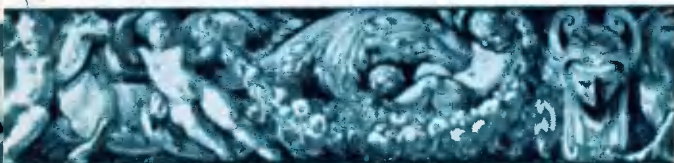


На фото:
сцена из новой оперы
Т. Хренникова; в роли
Беатриче — Л. Уколова;
И. Бартенева (Геро)
и Я. Родионик (Клавдио).



сонажа. Именно поэтому искренность и естественность на сцене — неперемennые требования к актеру нашего театра. Тут мало одного таланта. Не каждый человек с хорошим голосом сможет у нас работать. И совсем не значит, что человек, который обладает хорошими драматическими данными и отлично танцует, может быть актером камерной оперы. Нам нужен актер гармоничный...

На седьмой звуковой странице журнала вы услышите фрагменты оперы Т. Хренникова «Много шума из-за... сердец» в исполнении актеров и оркестра Московского камерного музыкального театра.



завтра может быть эпизодическая, а послезавтра — участие в хоре.

В истоках своих опера начиналась с камерной формы — небольшой хор, несколько действующих лиц, компактный оркестр, крошечная сцена («камера» по-латыни — «комната»). И, наверное, многие оперы Моцарта, Россини, «Каменный гость» Даргомыжского, «Женитьба» Мусоргского, «Алеко» Рахманинова прозвучат лучше не на большой сцене, а на малой. Здесь важно видеть героя ближе — так можно острее почувствовать его внутренний мир.

Проверка чувства «крупным планом» требует мастерства. В новом театре сделано уже немало для воспитания «поющего актера», так необходимого в требовательном камерном жанре.

Подкупают волнение, влюбленность в искусство каждого артиста театра. И когда они на сцене и когда пришли на первую в своей жизни запись для «Кругозора». Еще не приловчились петь у микрофона, бегут в аппаратную после каждого дубля слушать свой голос, просят новых и новых вариантов. Неудовлетворенность собой — хорошее чувство...

Людмилу Уколову (Беатриче), Ирину Бартеневу (Геро), Эдуарда Акимова (Бенедикт) вы услышите на нашей звуковой странице. И ансамбль-«заговор» и финальный любовный дуэт Беатриче и Бенедикта — это совсем новая музыка Т. Н. Хренникова, которой не было в постановке Театра имени Вахтангова.

Наталья ЛАГИНА
Фото А. Лидова

певец представляет песню

На десятой звуковой странице — новые записи Марии Лукач и Льва Лещенко.

Лев Лещенко выбрал для «Кругозора» песню Владимира Шаинского «Береза белая».

— Эта песня на стихи Людмилы Овсянниковой понравилась мне своей напевностью и темой, главной мыслью, выраженной с большим лиризмом, — говорит Лев Лещенко. — Ею я обычно открываю свои концертные выступления. Белая береза — давний поэтический символ России. И это трехминутное песенное слово о Родине всегда определенным образом настраивает слушателя.



Вторую песню комментирует Мария Лукач:

— Песню всегда приятно получить специально для него написанную. Было приятно и мне, когда композитор Владимир Рубашевский и поэтесса Ирина Кашежева вручили мне песню «Позови меня на свадьбу». Я ее сразу подбила. В ней — благородство чувств и отношений, складывающихся между очень молодыми людьми. Отношений хрупких и нежных и потому особенно ранимых. Эта песенка, как раньше говорили, «на разлукку». Здесь слышны и умишка, и горечь, и прошение.

Ирина ЗИНКИНА



Константин СИМОНОВ

В моих записных книжках, которые входят в задуманную мною новую книгу о последней весне войны, рассказывается о некоторых эпизодах наступления войск 4-го Украинского фронта северо-восточнее чехословацкого города Моравска Острава в марте 1945 года.

В общем потоке тогдашних грандиозных событий это была сравнительно небольшая операция, однако и она потребовала большого воинского труда и умения и стоила многих жертв, перед которыми мы склоняем головы.

С утра едем на наблюдательный пункт 95-го корпуса, к генералу Мельникову. Теперь, на третий день наступления, он помещается по дороге на Лослау, километра четыре влево от шоссе...

Мельников сидит в полуподвале поповского дома вместе с Дударевым, командиром 351-й дивизии. Мельников выбрит, застегнут на все пуговицы, в чистеньком желтом пальто с туго затянутым поясом; он такой же, как и в первый день наступления, — розовый, аккуратный, словно только что вышедший из бани и мечтающий выпить залпом три стакана чаю. Дударев, напротив, замороченный, потный, обросший трехдневной, черной, как голенище, щетиной. Они сидят с двух сторон стола за одной картой и, должно быть, уже не в первый раз рассматривают ее.

В ПОНЕДЕЛЬНИК

Я здороваюсь с Мельниковым и представляюсь Дудареву. — Очень приятно, — говорит он, сняв очки. — Я очень люблю некоторые ваши произведения, «Землянку» люблю. Я с сожалением признаюсь, что «Землянка» принадлежит Суркову, хотя и очень нравится мне самому. — Нет, «Землянка» мне тоже нравится... Нет... я не то хотел сказать... Я это... как его... вылетело из головы. Ну, вы же сами знаете, что я хочу сказать!

Тут же сидят и командир корпуса, и начальник штаба корпуса, и начальник штаба дивизии, и еще кто-то, и еще кто-то... Но Дудареву, кажется, не по вкусу, что у него над душой сидит столько народу. Он очень устал, а дело в общем идет, и он его только что толкал и двигал, выезжал в полки и вернулся оттуда. Сейчас он немножко отдохнет, а потом — он предвидит это — ему снова надо будет ехать и снова двигать. И сейчас, в эту короткую паузу, он, видимо, вполне сознательно хочет говорить не о действиях своей дивизии, а об искусстве.

— Вы уж, пожалуйста, я хотел даже письмо написать, но вы же сами лично поедете в Москву, так скажите там: что за безобразие! Почему нам все с бомбежкой картины присылают? Что за черт! Ну, понимаете, сил нет! Пятый раз присылают — и все одно и то же! Невозможно! Вот слышите... А? Земля дрожит. Рядом стреляют наши пушки, а чуть подале рвутся немецкие снаряды.



26 МАРТА



— Наслушаешься этого, а потом тебя опять бомбежкой угощают! Да черт их дер! Пусть они посылают все это в тыл, где этого не видели, а тут дайте нам какую-нибудь человеческую картину. Тоже ж мы люди!

— Вот «Серенаду солнечной долины» мы смотрели, — говорит начальник политотдела, маленький, курносый человек с детским удивленным выражением лица. — Прелестная картина! Верно, товарищ генерал?

— Ну, конечно, верно. Прекрасная картина! Может быть, и не совсем прекрасная, но по настоящей ситуации хорошая. Вот так им и передайте: генерал Дударев для вас, может быть, ничего и не значит, но все-таки, как бомбежку на экране на вашем слышит, так уходит и больше не смотрит. И считает, что фронтовики с ним согласны! Что ж вы в самом деле! О тыле вы думаете, тылу вы объясняете, какая она такая война! А нам какой он такой мир — мы уже о нем забыли ведь! — не хотите объяснить? А нам надо объяснить, какой он из себя, мир. Без войны когда он был!..

Этот неожиданный для меня разговор перемежается обменом деловыми соображениями между Дударевым и командиром корпуса.

— Неважно сегодня идете, плохо, — говорит Мельников, глядя на карту.

— Почему плохо? — ворчливо возражает Дударев. — Неплохо идем.

— Нет, плохо, медленно.

— Почему медленно? Прошли за день четыре-пять километров и еще пройдем. Ничего не медленно, — продолжает возражать Дударев все тем же ворчливым тоном.

— И все же надо нажать. Неважно действуете.

— Почему неважно? Тринадцать орудий взяли за утро. Вот, пожалуйста! Вот, вот! — Дударев с торжеством кивает на задрожавшее в эту минуту оконное стекло. — Вот, из немецких бьем, из 105-миллиметровок. На предельной дальности, и по немцам! А вы говорите: плохо!

— Ну, ладно, кончай разговор, Дударев. Давай нажимай!.. В это время Дудареву звонят из полка.

— Так, — говорит он, — хорошо. Вот молодцы! Ей-богу, молодцы! — И кладет трубку.

— Еще три орудия 105-миллиметровых в полной сохранности захватили. Значит, за день шестнадцать уже! А вы говорите: плохо!

Мельников поднимается, чтобы ехать в соседнюю дивизию. Я тоже поднимаюсь и выхожу на улицу. Тут же, на задворках, за церковью, наши артиллеристы лупят из немецких 105-миллиметровых выкрашенных желтой краской орудий.

Когда я, поговорив с артиллеристами, возвращаюсь, Дударев кончат бриться.

По телефону звонит начальник штаба дивизии: речь идет о каком-то танковом десанте.

Дударев требует, чтобы десант был посажен на броню без всякого промедления.

Я спрашиваю, что это за десант. Оказывается, пока я выходил, пришло сообщение, что танки уже прорвались на западную окраину Лослау, и Москаленко* приказал посадить на эти

танки десантников из дивизии Дударева и с темной прорваться еще дальше к Одеру.

...В Лослау сильно стреляют. До города остается меньше километра.

Перед самой железнодорожной насыпью, около Лослау, видна залегшая пехота. Это зрелище меня немного удивляет, но впереди на дороге тихо, и я уже решаю было ехать, когда выскочивший из дома капитан останавливает нашу машину.

— Пока подождите, не ездите, — говорит он. — Весь этот участок сильно простреливают. Только что был большой арналет. Видите, пехота залегла. Подождите до темноты, уже недолго!

— А в самом Лослау есть пехота?

— Не знаю, — говорит он, — наверное, есть. Танки уже часа четыре, как прошли туда.

На западную окраину города с визгом один за другим заходят наши «ИЛь». Отчетливо видно, как летчики пикируют. Они пускают в ход эрэсы, и под крыльями у них вспыхивают огненные пучки.

Недалеко от нас стоит обгоревшая «тридцатьчетверка»: на ее дымных, изуродованных гусеницах сидят три пехотинца. Двое слушают, а третий играет на маленькой трофейной гармонике «На позицию девушка провожала бойца...».

При дороге висит разбитый снарядами фольварк. Заходим в него. Там все перевернуто. По крайней мере десять или двенадцать снарядов попали в этот дом. Должно быть, там сидели немцы. У окна среди обломков валяются пулеметные ленты.

В ста метрах от фольварка, у самой дороги, небольшая воронка. Около нее лежат окровавленный ботинок, окровавленный кусок плащ-палатки и искоренный котелок — все, что осталось от человека. А в пяти шагах насыпан маленький свежий холмик. В головах воткнут столбик, и на нем в большую палисандровую раму, должно быть, взятую из фольварка, вставлен белый картон с надписью от руки:

Касаткин — сержант
Беляков — сержант
Кондратенко — ефрейтор
Бродий — красноармеец
Погибли 26.3. 1945 года.

Я стою у могилы и невольно думаю об этом мгновенном конце четырех человеческих жизней. Они брали этот фольварк, по ним стреляли из минометов, около них разорвалась мина, они были убиты, и похоронили их в двух шагах от этой воронки, возле того самого фольварка, который через полчаса захватили их товарищи. Захватили, взяли раму, может быть, от портрета Гитлера, вставили в нее оборотной стороной какую-то литографию, написали на ней четыре фамилии и пошли дальше, вперед, на Лослау.

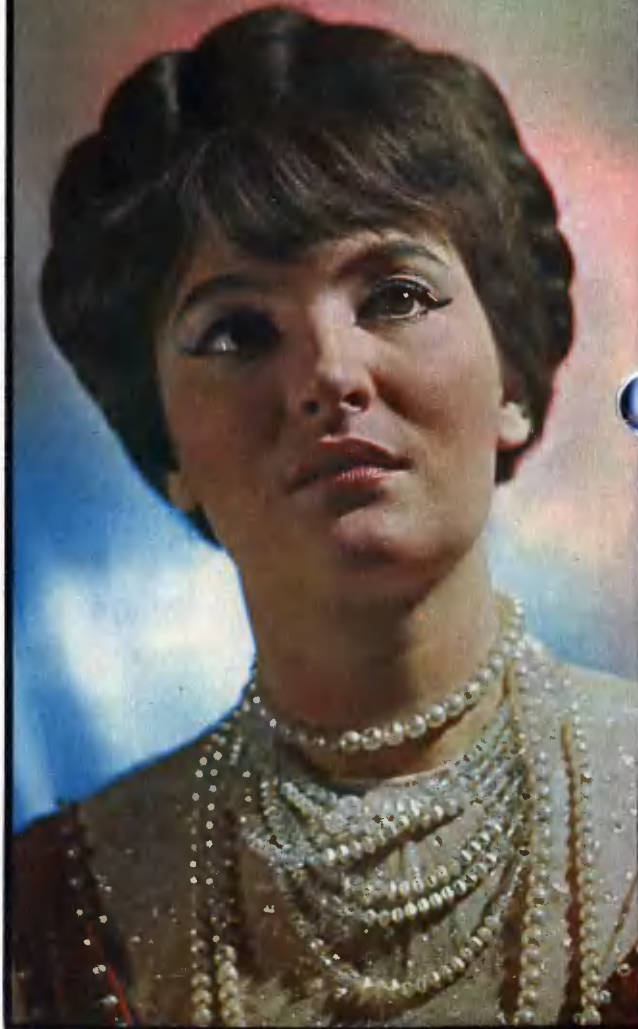
А извещения еще только будут написаны и полтора или два месяца будут добираться до Иркутска, Новгорода, Полтавы... Вот она, судьба человека на войне, во всей ее страшной простоте. Была такой и осталась. Осталась и сейчас, в сорок пятом, когда мы побеждаем, когда уже давно позвди и Дон, и Днепр, и Буг и войска армии настойчиво и стремительно движутся к Одеру...



Рисунк А. Брусливского

* К. С. Москаленко — командующий 38-й армией.

РУССКАЯ ПЕСНЯ



В нашей семье музыка была не просто домашним увлечением. Она была профессией родителей. Мама, пианистка и певица, играла в оркестре Смоленского драматического театра, преподавала в музыкальном училище. Отец пел на радио. Музыка звучала в доме все время. Главным образом классические арии: мама пела партии Кармен, Далилы, у нее было чудесное меццо-сопрано. Старинные русские романсы, народные песни я тоже услышала впервые от нее. Но я мечтала о драматической сцене, играла в школьном драмкружке, а пела в самодеятельности, считая, что это поможет в моей будущей актерской работе. Иногда на семейных торжествах меня просили петь, как это бывает во всех домах, и я пела старинные русские романсы, слова которых в детских устах звучали смешно:

«Окончен путь, устала грудь,
И нам теперь с тобой не по пути...»

Но однажды я встретила всерьез с песней. И произошло это в деревне под Смоленском. Мы с бабушкой на лето ездили к ее подруге, сельской учительнице. Вот там-то я и услышала подлинные русские песни, которые и звучали-то по-иному. Там, у себя дома, они привычно звенят над лугами, у реки, за околицей... На всю жизнь осталось у меня в памяти, что одна и та же песня поется по-разному: во время работы — вполголоса; после работы, когда девушки идут с поля, — во весь голос, залиvisto, звонко; на посиделках и вечеринках — озорно, весело, с приплясом. Девушки, услышав мой еще по-детски звонкий голосок, стали брать меня с собой на посиделки, слевки. «Репертуар» моих взро-

слых подруг не всегда отличался отточенностью вкуса, но меня заражала их влюбленность в пение. Пели они «Чудный месяц плывет над рекой» и «Жабулат удалой», и я им подпевала.

После окончания десятилетки я уехала в Москву и поступила учиться в оперную студию в Сокольниках на эстрадное отделение. Здесь пелись и классика, и романсы, и жанровые советские песни, и обязательно русские народные. Однако своего пристрастия я еще не определила. Но вот встретила я с трио баянистов: Попковым, Кузнецовым и Даниловым. Послушав, как я пою русские песни, они и посоветовали мне именно здесь искать себя.

Первые мои работы были в областной филармонии с оркестром народных инструментов. Мы объездили чуть ли не весь Союз. Были в Братске, когда там еще стояли палатки. Помню, во время концерта пошел дождь и над баянистом держали зонт. Но выступление продолжалось, и люди не расходились. Были на Крайнем Севере, на Дальнем Востоке, на Сахалине, на Камчатке, много раз бывали в Сибири. Принимали нас хорошо, я была молода, голос у меня был сильный и звонкий. Однако свой собственный репертуар и свою манеру я обрела позже. И помогла мне в этом Ирма Петровна Янзсем.

Ирма Петровна — особая глава в моей исполнительской жизни. С ней я делала несколько программ, вначале — сольного отделения, затем — сольных концертов. Она была моим режиссером и всегда добрым гением. У нее масса песен. И тех, что она помнит, и колоссальная нотная библиотека. Поэтому, какую бы песню мне ни посоветовали

спеть, она всегда находилась в ее «запасниках». Ирма Петровна привила мне любовь к собиранию русских песен, к распознаванию их истинности. И это стало определяющим в формировании моего репертуара. «Мы на лодочке катались» — старая русская песня, я ее возобновила. Одну песню мне подсказала певица из Саратова — «Ах, ты, ноченька». Это не та песня, которую пел Шалапин. Иные слова, иная мелодия. Эта песня кристальная, родниковой чистоты. У меня завязалась переписка с любителями народной песни. И все больше я открывала в ней для себя новые пленительные качества, завораживающую доступность для людских сердец. Я много бывала в странах Латинской Америки, пела на 15 африканских наречиях. И я видела, как покоряет далекую аудиторию песня, даже непонятная по смыслу, непривычная по музыкальному строю. В этом высший смысл народного искусства: своим первозданным талантом, своей неподкупностью оно способно волновать людей, открывать их друг для друга. Оттого служение русской песне — счастье для меня!

Ольга ВОРОНЕЦ,
заслуженная артистка РСФСР

Фото Е. Савалова



На восьмой звуковой странице песни, отобранные Ольгой Воронец «Романики спрятались» (музыка Е. Птичкина, стихи И. Шаферана), «Дочери, дочери» (музыка О. Фельцмана, стихи Н. Доризо) и народная песня «Живет моя отада».

Три встречи — это три впечатления о разных людях, в данном случае музыкантах, которые, помимо музыки, привезли в Москву свои характеры, судьбы, свое отношение к жизни. Джеймса Ласта в течение многих лет навещают одним из лучших европейских эстрадных контрабасистов и аранжировщиков, а его оркестр — лучшим джазовым оркестром Федеративной Республики Германия. В вокальной группе ансамбля вместе с немцами поют и англичане. Кстати, песни на одиннадцатой звуковой странице «Кругозора» исполняется на английском языке.



Ласт впервые в Советском Союзе. А первые впечатления бываю самыми стойкими и порой самыми верными. Пробыв день в Москве, Ласт сказал: «Мне нравится здесь буквально все: вкус, с которым едят, ваша публика, и ее умение чужко слушать музыку. Нравятся песни, ни русских композиторов и — что скрывать! — время русской кухни». Итак, Ласт впервые в СССР. А японский квартет «Дан-Дак» приехал к нам в четвертый раз. Представляя, гости назвали не только свои имена, но и ласковые прозвища, которые придумали для них токийские поклонники.



Первый тенор Хироси Такамацзав. Прозвище «Паку» — «вечно опаздывающий». Он действительно опаздывает всюду. А званище «дядя» во время так свидание, он тем самым так уверил свою девушку.

ТРИ ВСТРЕЧИ В МОСКВЕ

Светлана
ЧЕКРЫГИНА

что она даже согласилась выйти за него замуж. Не признал он и в «Кругозор» явиться позже своих друзей, утверждая, что задержался, покупая билеты на Хельсинки, куда «Черные утки» улетали посылать гастроль у нас.

Смотри не ошибайся в са-модет, — съехидничал второй тенор квартета Тору Сасаки, оправдав и на этот раз свое прозвище «Манга», что означает «человек с усмешкой». Рассказывают, что, допившись, он, вместе того что они, как все нормальные дети, заплакал, засмеялся. Абушеря плел ему его и сказала: «Ну этот будет артистом».

И, как видите, не ошиблась — сказал баритон Тецу Кисоу по прозвищу «Гета».

Гета — это японская левая кватратная обувь — по-япид бие Хадзиме Тогума. — Тецу в детстве был какой-то квадратный и всегда носил гета. Он отказывался снять их, даже ложась спать.

— Ты остришь, как толстокожий, — отпарировал Тецу, — и, стало быть, недаром тебя прозвали «Дзо» — «слон».

Четыре «черные утки» всегда вместе: вместе поют, гуляют по Москве. Зато ответы на один и тот же вопрос у них всегда разные.

Полное единодушие, однако, они проявили в оценке Москвы: «Это прекрасный город. Мы нашли здесь то, что отвечает индивидуальным стремлениям каждой из нас».

К этим словам присоединилась югославская певица Радмила Каракляч, гастролировавшая в СССР с группой «Белградская эстрада».

— Мне грустно уезжать, — говорит певица, — у меня такое ощущение, какое бывает, лишь когда я покидаю свой Белград. У нас в Москве я узнала, что такое подлинное взаимопонимание с публикой, что такое подлинный успех. Здесь я снималась в своем первом фильме. А первую, да еще и удачную, работу будешь помнить всю жизнь. Вот так и моя любовь к нашей стране — навсегда.



слушайте

в

номере

122

КРУГОЗОР

10 (103) октябрь 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Сод основания — 1964

1. По долинам и по взгорьям... Рассказывает участник боев за Советский Дальний Восток Н. К. Ильюхов.
2. Удача рыбака — умение. Монолог Героя Социалистического Труда А. П. Розефелда.
3. «Я еще вернусь на Молодежную...» Песня-репортаж Б. Вахнюка.
4. Детектив 6.30. Генерал П. Илиев о событиях в военном министерстве Болгарии в 1944 году.
5. Уроки Сергея Эйзенштейна. Страницу ведет народный артист РСФСР Михаил Кузнецов.
6. И.-С. Бах: фрагмент фортепианного концерта и хорал из кантаты в переложении для органа.
7. Новая опера Хренникова в Московском музыкальном камерном театре.
8. Поет Ольга Воронец: «Ромашки спрятались», «Дочери, дочери», «Живет моя отрада».
9. Композитор Р. Паулс: «Синяя песня», «Маленькая комната».
10. Лев Лещенко: «Береза белая»; Мария Лукач: «Позови меня на свадьбу».
11. Гости Москвы: ансамбль Джеймса Ласта (народная песня «Пляшущий кондор»), ансамбль «Дак-Дак» (народная песня «Дорогая Рикоко»), Радмила Караклаич («Король сердцья» Бигази).
12. Пол Маккартни (Англия): «Мы одиночки», «Верните Ирландию ирландцам!»

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

**ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ**

На первой странице
обложки: С. Курбанов.
«Нурек строится»

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Адрес редакции:
Москва, 113326,
Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40
Сдано в набор
28-VIII 1972 г.
Б 05909
Подписано к печ.
12-IX 1972 г.
Формат
бумаги 60x84 1/12
Уч. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3420. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Он прожил всего пятьдесят лет. За четверть века работы в искусстве поставил только пять спектаклей и восемь фильмов. Можно ли измерить этой скромной статистикой вклад в мировую культуру, сделанный Сергеем Михайловичем Эйзенштейном? Он вошел в историю советского искусства как один из ее основоположников наряду с А. М. Горьким, В. В. Маяковским, С. С. Прокофьевым. Его имя называют вместе с именами Жоржа Мольеса и Дэвида Гриффита, когда говорят о тех, кто сформировал искусство кинематографа. Крупнейший режиссер и теоретик, педагог, создавший первый в мире курс кинорежиссуры, замечательный график и литератор, энциклопедически образованный человек, он не раз был назван «Леонардо да Винчи XX века».



Урок Сергея Эйзенштейна во ВГИКе.
Запись этого урока вы услышите на пятой звуковой странице.
О работе с режиссером рассказывают Галина Уланова,
Михаил Кузнецов, Павел Кадоchnikов.

Судьбу произведений Эйзенштейна можно сравнить лишь с судьбою чаплинских картин: все его фильмы останутся в активном прокате — «Стачка» и «Октябрь», «Старое и новое», «Александр Невский» и «Иван Грозный», неоконченные «Бежин луг» и «Да здравствует Мексика!». Но самое знаменитое и влиятельное создание Эйзенштейна — «Броненосец «Потемкин». В 1958 году ведущие критики разных стран назвали «Потемкина» первым из «двенадцати лучших фильмов всех времен». С тех пор подобные голосования проводились неоднократно, менялись названия и имена, но фильм Эйзенштейна неизменно присутствует во всех списках. Именно этому фильму хотел посвятить Эйзенштейн и свою книгу «Неравнодушная природа». Фрагмент «Посвящения» впервые печатается на страницах «Кругозора».

« Дорогой, многоуважаемый Броненосец! »

Если Гаеву в « Вишневом саде » дозволено произнести приветствие: « Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование », то разве у меня не больше основания обратиться к Вам, мой дорогой друг и верный соратник, с такими же словами?

Строго говоря, даже и в период Вашего создания и позже я всегда воспринимал Вас прежде всего как продукт нашего времени и эпохи, не только как образ коллективных дум и действий содружества матросов в урагане революции девятьсот пятого года, но и как результат коллективно-творческого устремления нашего народа к собственному самовыражению на гребне перехода пафоса гражданской войны в начинавшуюся эру строительства.

Именно в таком духе мне приходилось выступать перед многими и миогини аудиториями разных стран — в рабочих клубах и университетах Америки и Европы и даже однажды во время пасхального богослужения в негритянской школе в Дорчестере. Большинство этих выступле-

Иногда сам диву даешься, каким образом в этот краткий трехмесячный период Вашей постановки мы сумели вместе с Вами уложить в недра Ваши и трюмы такое обилие эмбрионально намеченных и разрешенных проблем из области того, что вот уже в течение двадцати пяти лет мне из года в год, этап за этапом развития нашего кино приходится разворачивать в принципы освоения новых встречающихся проблем. И если когда-то Вы были вызваны к жизни и были плодом творческого вдохновения юного, начинающего мастера, то кажется, что сейчас Вы неизменно расплывается с ним, стареющим исследователем, но неизменным искателем, давая пищу, материал и направление в изысканиях его по все усложняющемуся лабиринту проблематики принципов нашего кинематографического искусства.

Ваш нос врезался с экрана в аудиторию, неся в нее заостренную революционную концепцию, вспарывая проблему социальных противоречий примером разрубания гордиевых узлов сомнений и нерешительности, показом революционных действий матросов пятого года, нашедших выход в безоговорочности революционного действия. Эту же функцию несут единственно и неизменно



ПОСВЯЩЕНИЕ

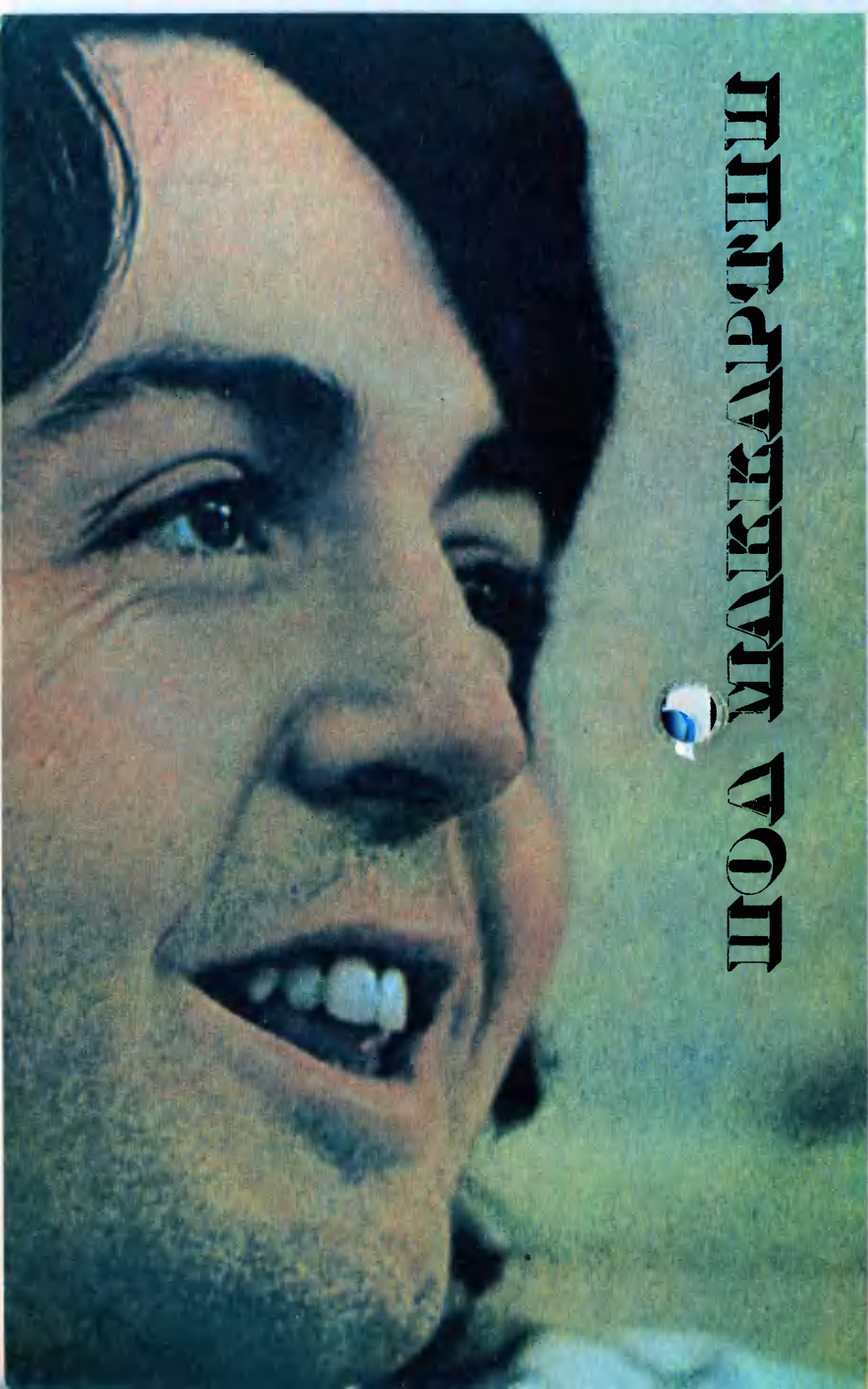
ний продолжали то же самое дело, что делали Вы по экранам: прежде всего я старался передать те чувства революционного пафоса, которым жил и живет наш народ, творя подвиги революции, строительства или военной доблести...

За время с первой нашей встречи пришли в кинематограф и звук, и цвет, и стереокино, и реальность тепевидения. Теоретического разрешения требовали отдельные дисциплины и внутри нашего мастерства. И каждый раз, плутая и теряясь при встрече с накатом новых запросов и возможностей, я всегда обращался к Вам. И в ткани Вашего организма неизменно для себя я всегда находил не только опору по линии общих принципов, но и зародыши постановки — в рудиментарном объеме — самих этих проблем: так, пейзажные сюиты « Потемкина » несли ядро мелодической прамузыки; с Красным флагом закономерно вторилось образно и динамически решаемое вторжение цвета; так, в « заказном » строе музыки Майзеля к « машинам » « Потемкина » во встрече с эскадрой прокладывались первые принципы сочетания звука и изображения не по принципам внешнебытовым, но внутренне образным и эмоциональным и т. д. и т. д.

О БРОНЕНОСЦУ

все те работы по разным разделам кинематографии и искусства вообще, которыми я занимаюсь, — и до Вашего появления на свет, и во время этого, и еще больше после этого! Цель и намерения у нас с Вами — и здесь и там — одни и те же. И исследовательские работы направлены к тому же: так же врезаться в проблемы творчества, как Вы это делали, врезаясь в клубок революционных событий...

Мы с Вами служим одному и тому же делу. Вы обучали пролетария тому, как в революционном действии сбрасывать путы и оковы угнетения. Я стараюсь развести, а где можно, и перерубать те путы, которые до нашего времени обволакивали вопросы творческого производства вещей. Я это делаю для того, чтобы плеяда молодых творческих кадров могла бы знать и владеть техникой творческого процесса, как обучению технике процесса вооруженного восстания были посвящены Ваши кадры. Хочется подобно Вам под сенью того же алого флага, для интересов и в интересах тех же социальных сил пролетариата вскрывать и вспарывать тайны и основы работы над искусством...



ПОЛ МАККАРТНИ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ
Англия

12

Многочисленные поклонники зовут его просто Пол. Он потомственный рабочий из Ливерпуля, портового английского города. Если бы не музыка, Маккартни стал, вероятно, механиком или электриком. Поет Пол с детских лет, а в школе начал играть на банджо и гитаре. На одной из ливерпульских улиц он познакомился с парнем по имени Джон. Пол учил своего нового знакомого играть на гитаре, но, поскольку сам он левша, Джону пришлось нелегко: чтобы найти правильное положение пальцев на грифе гитары, ему надо было все время смотреть в зеркало.

В 1960 году Джон Леннон и Пол Маккартни организовали вокально-инструментальный квартет, который просуществовал до 1969 года.

Сейчас каждый из участников этого квартета идет своим путем и, как правило, работает с собственным ансамблем.

Группа Пола Маккартни называется «Уингс» (крылья). В своих «сольных» записях он много экспериментирует, касается острых проблем сегодняшней Англии.

В марте 1972 года Маккартни и «Уингс» записали новую песню, которая сразу же — точнее, еще до своего выхода — оказалась в центре ожесточенной борьбы. Владельцы магазинов грамзаписей отказываются продавать крамольную «непатриотическую» песню. Би-Би-Си вносит ее в черный список. Пластинку продают на улицах добровольцы. Это песня Пола Маккартни «Верните Ирландию ирландцам!». «Британия, великая держава, — поется в песне, — что тебе нужно в этой стране за морем? Англичане, скажите, понравится вам, если вас будут обсыскивать по дороге на работу ирландские солдаты? Так верните Ирландию ирландцам. Не ждите, пока ее отберут у вас силой. Верните страну ее людям!..»

Эту песню вместе с другой новой записью Маккартни, «Мы одиноки», вы услышите на звуковой странице нашего журнала.

А. ПЕТРОВ

Цена 1 руб.